

*О. Н. Бушмакина,
доктор философских наук,
профессор, Удмуртский государственный
университет (Россия)*

САМОПРОИЗВОДСТВО СУБЪЕКТИВНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ПИСЬМА

Современные исследователи констатируют, что «за последние годы вновь наметился интерес к фигуре автора» [3, с.45–46]. А вместе с ним вновь обрела проблематичность идея авторской субъективности в пространстве текста как аутентичности произведения. Включение произведения в широкий социальный контекст, с одной стороны, позволяет представить его в структурах экономического производства и потребления, с другой – размывает границы поля литературы.

Проблема автономизации поля литературоведения обнаруживается в поисках Р. Барта как идея понимания литературного текста не столько из биографических отсылок к телесной тождественности пишущего, сколько из самого текста, где «говорит не автор, а язык как таковой» [1]. Отстранение автора как авто-био-графической фигуры приводит к представлению о существовании субъекта письма как пишущего, или скриптора. Он не имеет собственного существования «вне» и «до» письма, но всегда и только «здесь-и-теперь», в процессе написания текста. Скриптор становится перформативным так же, как и письмо. «Его рука, утратив всякую связь с голосом, совершает чисто начертательный (а не выразительный) жест и очерчивает некое знаковое поле, не имеющее исходной точки, – во всяком случае, оно исходит только из языка как такового, а он неустанно ставит под сомнение всякое представление об исходной точке» [1]. Иными словами, принципиально меняется представление о субъекте как источнике производства субъективности. Если в классической философии субъект, согласно Р. Декарту, был источником субъективности, то в современной философии после Р. Барта сам субъект оказывается продуктом субъективности. Это значит, как можно предположить, что самопроизводство субъективности языка в структурах текста происходит через точку скриптора как продукта ее продуктивности. Вместе с тем смещение классического субъекта с позиции источника, или центра, субъективности

приводит к ее децентрации, оставляя его место пустым.

М. Фуко, отмечая исторический и индивидуальный характер фигуры автора, полагал, что эти черты являются внешними по отношению к анализу текста. Он видел отличие современного письма в безразличии к автору, которое господствует как имманентное правило. Поскольку современное письмо отказалось от идеи верховенства «внешнего» и отсылает к себе самому, постольку автор, как фигура внешняя к тексту, оказывается как бы исключенной из игры знаков. По мнению М. Фуко, суть состоит вовсе не в том, чтобы утверждать только сам жест письма или закреплять за ним языкового субъекта, но «вопрос стоит об открытии некоторого пространства, в котором пишущий субъект не перестает исчезать» [2]. Письмо как игровое пространство взаимной референции знаков, о-предел-ивается только в своих границах, сталкиваясь с которыми оно рекурсивно преступает и переворачивает собственные порядки. Оно «неминуемо идет по ту сторону своих правил и переходит таким образом вовне» [2]. Пространство письма в ситуации преступления о-предел-ивается как целое, представляясь как дискурсивное единство, указывающее имплицитно на трансцендентное присутствие автора. Можно сказать, что автономность письма самоконституируется через границу, которая маркируется подписью, или десигнацией, разворачивающей веер дескрипций. Это значит, что позиция автора обозначается на границе пространства письма. Оно принадлежит автору в той мере, в которой он оказывается способным преступать его границы. Возможность преступления стала императивом литературы, где автор, вступая в отношения собственности, «систематически практикуя преступание, восстанавливая опасность письма» [2], компенсировал свой новый статус. Дискурсивное пространство литературы удостоверяется юридическим способом через экзекуцию, как прописывание закона, конституируя автора как юридическое лицо. Автор становится точкой пересечения литературного и юридического дискурсов, т.е. функцией письма. Эта функция «является результатом сложной операции, которая конструирует некое разумное существо, которое и называют автором» [2]. Он выстраивается как некий инвариант такого конструирования. Фигура автора становится производной от тех текстов и операций с ними, которые анализируются и которым впоследствии присваивается авторское имя; его наделяют статусом реальности, полагая, что индивид – это источник и изначальное

место письма.

Для Р. Шартье не так уж бесспорна и идея М. Фуко о наказании как источнике появления фигуры автора. Он замечает, что ответственность с автором разделяют как издатель, так и читатель запрещенного произведения. Подвергается гонению не столько автор, сколько те идеи, которые он распространяет. Не меньшую роль в появлении авторства играет его изображение. «Благодаря ему письмо выстраивается как способ выражения некой индивидуальности, которая и лежит в основе аутентичности произведения» [3, с. 65]. Литературное авторство отныне включает в себя не только написание произведения, но и его книгопечатание. Начинают отличать писателя как того, кто написал текст, и автора как того, кто еще и опубликовал его.

Включение литературного производства в экономический дискурс провоцирует двойственность в понимании письма. С одной стороны, оно является результатом труда и подлежит вознаграждению через продажу его как рыночного товара. С другой стороны, оно атрибутируется через эстетический критерий как уникальное произведение духа, преодолевая материальность процесса его производства. Возникает сдвиг в идеологии письма, парадоксальность которого состоит в том, что именно включение произведения в структуру рыночных отношений позволяет автору обрести финансовую независимость. Ранее автор не владел собственным произведением, полагая письмо как стороннее и не имеющее большого значения занятие, от которого не зависело его финансовое благополучие. Он мог быть анонимным, но рассчитывать на внимание избранной публики. Представление письма в экономических отношениях предъявляет фигуру автора во всей ее зримости. Автор обретает биографию.

Итак, проблема субъективности в пространстве письма изначально задается в аспекте автономизации поля литературного производства и обретения имманентной ему методологии исследования текста. Здесь проясняются универсальные характеристики письма и способы их анализа, не зависящие от конкретного автора, но определяющиеся в русле конструирования структур литературного производства. В пространстве письма литературный процесс предстает как бесконечное самопроизводство языковой субъективности через точку субъекта как скриптора, лишённого всех черт биографичности.

Позиция автора выносится за пределы письма, превращаясь в

трансцендентное условие его производства. Поскольку самоопределение субъективности в пространстве письма происходит в акте преступления через его границу как предел, постольку фигура автора оказывается включенной в юридический дискурс, где он предьявляется в акте экзекуции. В момент приписывания авторства или установления подписи под литературным письмом автор, как функция письма, становится точкой пересечения полей производства литературной и юридической субъективности в структурах дискурсивности. Функция автора конституируется в промежутке между реальным индивидом и персонажем текста. Его существование в пространстве письма обнаруживается как «место»-имение (или как производство имен персонажей текста), а на его границах – от анонимности до псевдонима.

Экономическое право собственности на произведение выявляет автора как одного из участников процессов производства и публикации письма, которое включается в социальное пространство как вещь, подлежащая обмену. В дискурсе экономического производства, где выявляется материальность вещи, письмо обнаруживает свою стоимость не столько как материальный продукт, сколько как пространство, заключающее в себе субъективность, концептуальность, смысл. Литературное производство как пространство производства смыслов кодифицируется в структурах авторского права и обретает социальную, юридическую и экономическую автономию. Скриптор как субъект языковой деятельности трансформируется в персонажа как субъекта смысла и, затем, в автора как субъекта экономики и права. Можно сказать, что самопроизводство литературной субъективности в пространстве письма осуществляется через границы юридической и экономической дискурсивности.

---

1. *Барт, Р.* Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика : пер. с фр. / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – URL : // www.philology.ru/literature1/barthes-94e.htm.

2. *Фуко, М.* Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности : работы разных лет : пер. с фр. / М. Фуко. – М. : Касталь, 1996.

3. *Шартье, Р.* Автор в системе книгопечатания / Р. Шартье // Письменная культура и общество / Р. Шартье. – М. : Новое издательство, 2006.